

Политические системы и режимы на постсоветском пространстве

УДК-323.2

РЕЖИМНАЯ ДИНАМИКА ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И КАВКАЗА

*С.Н. Шкель*¹

В статье предложена типология политических режимов, позволяющая зафиксировать все точки режимных переходов постсоветских стран, и проведено измерение режимной динамики восьми постсоветских государств Центральной Азии и Кавказа. Анализ постсоветских политических трансформаций позволил выявить наличие устойчивости двух основных режимных форм (неопатримониального авторитаризма и неопатримониальной полиархии), которые являются для анализируемых случаев модальными. Эти политические режимы свойственны разным группам стран, но при своей консолидации они одинаково демонстрируют устойчивость и долговременность.

Ключевые слова: политические режимы; авторитаризм; полиархия; постсоветское пространство; Центральная Азия и Кавказ.

Категория «политический режим» в политической теории имеет самые разнообразные определения, однако для анализа специфики постсоветских режимных форм наиболее перспективным представляется синтез электро-патримониального и неопатримониального подходов с акцентом на учет не только формальных, но также неформальных режимных институций. Одной из первых попыток разработки классификации, учитывающей роль неформальных практик, является типология Г.О'Доннелла, который указывает, что если для «старых» демократий характерно господство формальных институтов, то в «новых поставторитарных режимах преобладают неформальные институты, основанные на клиентелистских отношениях и патримониальном господстве» [9].

Тезис о важности учета неформальных институтов при выработке критериев оценки постсоветских политических режимов получил широкое признание как за рубежом, так и среди российских ученых [11; 12]. В последнее время неопатримониальный подход стал вполне успешно применяться ис-

---

¹ Шкель Станислав Николаевич – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, социологии и связей с общественностью Уфимского государственного нефтяного технического университета. E-mail: stas-polit@yandex.ru.

© Шкель С.Н., 2015

следователями для объяснения политических трансформаций и описания логики политического развития постсоветских государств бывшего СССР [17]. Учет влияния формальных и неформальных институтов на структуру элитного взаимодействия [16] и рассмотрение постсоветских режимных трансформаций сквозь призму логики неопатримониализма значительно обогатили политическую науку с точки зрения более глубокого понимания факторов и причинно-следственных связей диверсификации постсоветских режимов [3].

Неопатримониальный подход стал также источником уточнения и разработок новых классификационных схем постсоветских режимов [10; 14]. Продолжая эту исследовательскую стратегию, в данной статье предлагается авторская классификация политических режимов, которая применяется для анализа режимной динамики постсоветских государств Центральной Азии и Кавказа.

Критерии построения типологии политических режимов

Исходя из определения политического режима как совокупности формальных и неформальных правил, регулирующих каналы доступа к властным позициям и формирующих модели осуществления государственного управления, для оценки конкретной режимной формы можно использовать два критерия: 1) уровень конкурентности политических акторов в борьбе за доступ к властным позициям; 2) степень формальной институционализации государственного администрирования.

Для определения первого критерия используется классический электоральный подход. В авторской шкале эта переменная может иметь два значения: высокий и низкий уровни политической конкуренции. В данном случае имеется в виду формальная конкуренция элит, отражающаяся в публичных электоральных исходах.

Степень институционализации государственного управления можно выразить и оценить через такое эмпирически наблюдаемое явление, как степень «автономии элит». Данное понятие используется согласно теоретическим положениям А. Грзимала-Бюссе и П. Лунг, которые предложили данный критерий в разработанной ими типологии процесса государственного строительства постсоветских стран [13]. Согласно их модели показатель степени автономии элит тесно связан с уровнем формальной институционализации политического процесса. Когда элитная конкуренция формализованна, элиты сталкиваются с комплексом ограничений. Эти ограничения связаны не только с конституционными и правовыми нормами, но и с невозможностью использовать стратегии подавления или кооптации своих конкурентов, поскольку сильные формальные институты исключают политизацию бюрократии, которая также ограничена верховенством права и действует по модели легально-рационального поведения, избегая клиентистских стратегий.

Кроме того, развитая институциональная среда стимулирует формирование идеологических (обладающих идеологическим капиталом) или программных (обладающих идеологическим и административным капиталом) партий [20]. Являясь наиболее выгодным механизмом доступа к властным позициям, такие партии кооптируют элиту и одновременно с этим ограничивают ее автономию, поскольку элита становится связанной с партией обязательствами. В свою очередь, партия сильно зависит от электоральных предпочтений и не может себе позволить игнорировать их. Таким образом, программные и идеологические партии становятся посредниками во взаимосвязи элит с обществом. Элиты при этом имеют минимум автономии от социальных групп, поскольку от голосов избирателей зависит способность политиков удерживать свои властные позиции.

Неопатримониальный характер управления создает ситуацию ограниченной, но не максимальной свободы автономии элит. В условиях неопатримониального управления и дефектного функционирования правовых норм главным каналом доступа к властным позициям становятся не программные или идеологические партии, а патрон-клиентистские сети. Конкуренция между политиками, автономными от общества, развивается не за голоса избирателей, а за расположение патрона, в сеть которого элита имеет стимулы кооптироваться для доступа к материальным ресурсам. Следствием этого является развитие клиентистских партий, которые не имеют идеологий, но обладают административным капиталом [15, 14]. Именно такие партии в виде проектов инкубентов («партии власти») или олигархические партийные клиентелы, наряду с неформальными институциями в виде патрональных сетей, становятся главными проводниками доступа к властным позициям. Таким образом, в неопатримониальной среде элита избавляется от зависимости общественного контроля, но будучи встроенной в патрон-клиентистскую сеть, сохраняет неформальную зависимость от своего патрона.

Пределно патримониальная модель управления максимально повышает уровень автономии элит, хотя абсолютная свобода и здесь в реальности имеет ограничения. Однако эти ограничения сводятся к минимуму и исходят либо от деспотичного правителя, использующего крайне персонализированные патримониальные управленческие практики, либо от локальных малых групп, которые выступают клиентелой и с которой связаны лидеры.

Следуя неопатримониальной парадигме, понятие «автономии элит» в данной работе совмещается с тремя возможными идеально-типическими моделями государственного управления. Это позволяет выделить три возможные значения этой переменной:

1. Бюрократическая модель. Характеризуется низкой степенью автономии элит, что подразумевает высокий уровень институционализации управления и доминирование рационально-легальных практик государственного администрирования в идеально-типической трактовке М. Вебера.

2. Неопатримониальная модель. Выражается в средней степени автономии элит и сосуществовании формальных бюрократических институций и неформальных патримониальных практик, основанных на персональных связях и патрон-клиентистских сетях.

3. Патримониальная модель. Означает высокую автономию элит и характеризуется преобладанием в администрировании неформальных, сильно персонифицированных управленческих практик с минимальным влиянием конституционализма и норм права.

Посредством соединения двух базовых переменных (степени конкуренции и автономии элит) определяются шесть возможных режимных типов, представленных в виде таблицы (см. табл. 1).

Таблица 1

Типология политических режимов

Конкуренция элит	Степень автономии элит		
	Высокая (патримониальная)	Средняя (неопатримониальная)	Низкая (бюрократическая)
Высокая	Атомизированный партикуляризм	Неопатримониальная полиархия	Институциональная полиархия
Низкая	Султанизм	Неопатримониальный авторитаризм	Институциональный авторитаризм

В условиях патримониального управления и в зависимости от уровня конкуренции элит режим может быть *султанистским* и *атомизированного партикуляризма*.

В первом случае отсутствие формальных институций при низкой конкуренции элит приводит к возвышению деспота, властные полномочия которого не ограничены никакими формальными или неформальными рамками. Ситуация высокой конкуренции элит в сочетании с патримониальной институциональной средой приводит к атомизации элит, которые получают максимальную степень автономии, опираясь на свои ресурсы и локальные патрональные сети. Не подчиняясь ни центру, ни конкурирующим элитам, они вступают друг с другом в борьбу по модели «войны всех против всех». Фактически данный режим атомизированного партикуляризма означает ситуацию гражданской войны и временного распада государственности.

Неопатримониальный характер управления в зависимости от степени конкуренции элит приводит к двум возможным режимным типам: *неопатримониальному авторитаризму* или *неопатримониальной полиархии*. При низкой конкуренции элит возникает неопатримониальный авторитаризм, что означает наличие доминирующего актора, опирающегося на патрон-клиентистские сети и монополию на материальные ресурсы.

Возникновение параллельных патрональных сетей, вышедших из-под контроля доминирующего игрока, характеризует режим патримониальной полиархии. Это приводит к более конкурентной электоральной борьбе часто

с непредсказуемым электоральным исходом. В отличие от институциональной полиархии, в данном случае при высоком уровне конкуренции основными политическими игроками остаются патрональные сети, расколотые по клановым, субэтническим, региональным или олигархическим основаниям. Доминирующими типами партий являются клиентистские. Режим неопатримонциальной полиархии максимально соответствует гибридной (переходной) форме, включающей в себя элементы демократии. Однако дефектное функционирование демократических институтов [6] не позволяет причислить эту режимную форму к разряду демократии, и более логично рассматривать ее как разновидность авторитаризма.

Наконец, при сильных формальных институтах возможны режимы в виде *партийного авторитаризма* или *институциональной полиархии*. В обоих случаях элита имеет минимальную автономию. Однако в условиях низкого уровня конкуренции отсутствие автономии элит означает не подотчетность их обществу, а подчинение аппарату доминирующей партии. Данный режим соответствует советской системе партийной коммунистической монополии и являлся стартовой точкой трансформации всех постсоветских государств. Развитие институционализации и легально-рациональной бюрократии при высоком уровне конкуренции элит рождает режим в виде институциональной полиархии, максимально приближенный по набору параметров к модели, которую в рамках электоральных типологий принято обозначать в качестве «электоральной демократии».

Для измерения режимов необходимо выбрать метод операционализации, позволяющий точно фиксировать значения двух переменных: степень конкуренции элит и степень их автономии от формально-институциональных ограничений.

Операционализация понятий *уровень конкуренции и автономия элит*

В политической науке достаточно распространенным методом оценки режимных типов является использование индексов ряда исследовательских центров, научных проектов или коммерческих организаций [7]. В частности, при измерении уровня конкуренции режима многие исследователи обращаются к индексам качества электорального процесса, разработанным в рамках проектов Freedom House, Polity IV, журнала Economist, Института Бертельсмана и др. Однако, как правило, данные индексы являются композиционными, то есть интегрирующими в себя оценку не просто переменной «конкуренции элит», но и включающими более широкий спектр факторов электорального процесса. Поэтому для более точной фиксации уровня конкуренции элит в данной работе используется иная стратегия.

Отталкиваясь от положений Т. Ванханена, разработавшего свой знаменитый индекс демократии [25], оценка уровня конкуренции элит будет про-

изводиться на основе официальных результатов электоральных исходов. Большая доля голосов за оппозиционных кандидатов является маркером, указывающим на значительный уровень элитной конкуренции. Низкие показатели альтернативного голосования позволяют сделать противоположное утверждение. Хотя в авторитарных режимах электоральные предпочтения избирателей нередко искажаются, сама возможность правящей бюрократии манипулировать электоральными результатами говорит о ее административном могуществе и способности подавить элитные расколы, даже если они наличествуют. Таким образом, официальные результаты избирательного процесса на выходе дают информацию о том, насколько инкумбент контролирует альтернативные патрональные сети и способен предотвратить прорыв аутсайдеров в публичное политическое пространство.

Электоральным порогом, определяющим низкий уровень элитной конкуренции, будут считаться победы инкумбента с результатом, не менее 65 % поддержки избирателей. При оценке выборов legislatures это означает, что возможность инкумбента обеспечить контроль над 65% мест депутатского корпуса говорит о низкой элитной конкуренции. Этот контроль инкумбент может реализовать как посредством доминирующего представительства «партии власти», так и с помощью конгломерата союзнических партий (картеля) и аффилированных с инкумбентом кандидатов-одномандатников, избранным по мажоритарным округам.

Это же значение является показателем низкого уровня элитной конкуренции при электоральном исходе президентских выборов. Факт победы кандидата с поддержкой избирателей не менее 65% говорит о низкой элитной конкуренции. Исход президентских выборов, при которых победитель получил менее 65% голосов избирателей, указывает на сохранение высокой конкуренции элит.

Определение режимной формы в виде неопатримониального авторитаризма допустимо только в том случае, если инкумбент способен добиться электоральной поддержки не ниже 65% как на парламентских, так и на президентских выборах. Невозможность удержать данный порог хотя бы в одном из типов выборов указывает на ослабление режимной консолидации и служит основанием причислить режим к типу одной из двух возможных разновидностей полиархии.

Вторая переменная, указывающая на соотношение формальных и неформальных институтов, ограничивающих автономию элит, может быть измерена на основе данных об уровне коррупции. Если понимать коррупцию максимально широко как «злоупотребление государственной властью ради частной выгоды» [5, 50], то ее показатель может служить вполне точной оценкой уровня распространения неопатримониальных отношений в практике государственного управления.

Для оценки этого показателя используются рейтинги и индексы, составляемые известными исследовательскими центрами и финансовыми структурами. Наиболее широко применяемыми в различных социальных исследованиях являются данные центра Transparency International (ТИ), ежегодно публикующего рейтинги стран, распределенных согласно разработанному специалистами этого центра «индексу восприятия коррупции» (Corruption Perception Index) [24]. Не менее широко исследователи используют индекс «контроля коррупции», предложенный специалистами в рамках проекта Всемирного Банка (WB) (Control of Corruption Index) [23]. В данной работе используются данные индексов Всемирного Банка [19]. В то же время индекс восприятия коррупции ТИ также используется в качестве контроля объективности данных.

Индекс WB представляет собой диапазон измерения в рамках значений от -2,5 до 2,5. Отрицательные значения могут служить показателем большого уровня коррупции, положительные указывают на более позитивную ситуацию в этой сфере [19, 22]. Индекс ТИ имеет шкалу от 0 до 100, где максимальные значения говорят о минимуме коррупции, а минимальные – о ее высоком уровне. Несмотря на то, что индексы коррупции ТИ и WB используют разные шкалы измерения, в целом это не является препятствием для их совместного применения ввиду их высокой корреляции друг с другом [8; 21].

Представляется разумным ввести ограничение хронологического порядка. Поскольку формальная институционализация требует времени, целесообразно причислять к разряду институциональных только такие режимы, относительно которых соответствующие индексы наблюдаются не менее чем на протяжении 5 лет. Это произвольный хронологический зазор, но вполне достаточный для подтверждения надежности индексов, а также оценки природы режима с точки зрения стабильности его функционирования.

Отдельного обсуждения требует вопрос измерения в рамках предложенной типологии таких режимных форм, как султанизм и атомизированный партикуляризм. Если рассмотренные индексы вполне релевантны для разграничения режимов на неопатримониальные и институциональные, то грань между чистым патримониализмом (султанизмом) и неопатримониальной формой количественной методикой оценить весьма сложно. Поэтому для идентификации этого рода режимов используются качественные показатели.

Под султанизмом понимается такой режим, в котором персональная власть правителя не имеет никаких ограничений [22]. В постсоветских политических реалиях одним из значимых ограничителей главы государства являются выборы. Именно электоральные процессы, особенно в ситуации «кризиса наследования», могут стать «ахиллесовой пятой» авторитаризма, стимулировать консолидацию контрэлит, оппозиции и стать спусковым крючком к массовой мобилизации. В связи с этим формальным основанием причисления режима не просто к неопатримониальной форме, а именно к

султанизму может служить законодательная норма, закрепляющая пожизненный статус главы государства. Посредством этого правитель фактически освобождает себя от ограничения в виде выборов, что приводит к особой логике функционирования авторитарного режима. В отсутствие необходимости подтверждать свой статус доминирующего игрока правитель минимизирует свою зависимость как от общества, так и от подчиненной ему клиентуры, превращаясь в абсолютного деспота, вполне сопоставимого с классическими моделями неограниченной монархии. Таким образом, наличие нормы о пожизненном статусе правителя будет являться основанием причисления режима к султанизму. Отсутствие этой нормы означает, что данный режим не является таковым.

Среди постсоветских стран Центральной Азии и Кавказа подобная норма была принята только в Туркменистане в 1999 г. в отношении президента С. Ниязова и действовала вплоть до его смерти в 2006 г. [4, 468]. Таким образом, режим Туркменистана в период 1999-2006 гг. можно определить как султанистский. С 2007 г. при вступлении в должность нового президента указанная норма потеряла свое значение. Следовательно, с 2007 г. Туркменистан перешел в разряд стран с неопатримониальным режимом.

Атомизированный партикуляризм также невозможно определить с помощью количественных процедур, но он легко фиксируется на основе экспертных данных. Понимая данный режим как максимальный уровень персонализма при высокой элитной конкуренции, что приводит к ослаблению центральной власти и силовому противостоянию между главными политическими игроками, автор данной работы фиксирует наличие данного режима при условии открытого военного конфликта в рамках отдельной политики. Другими словами, рамки начала и окончания гражданской войны либо локального ограничения силового конфликта являются вполне четкими параметрами, позволяющими определить режим в стадии атомизированного партикуляризма и время перехода его в другую фазу.

Режим атомизированного партикуляризма среди рассматриваемых стран фиксируется в трех случаях.

1. Азербайджан пережил этот режим в период противостояния полевых командиров и президента страны А. Эльчибея (1992-1993 гг.).

2. Грузия прошла фазу атомизированного партикуляризма в период противостояния полевых командиров и президента страны З. Гамсахурдия (1992 г.).

3. Таджикистан был ввергнут в гражданскую войну между региональными элитами. Это событие можно оценить в категориях атомизированного партикуляризма. В то же время, хотя формально силовой конфликт длился с 1994 г. до 1997 г., он был локализован и только косвенно влиял на функционирование режима. В связи с этим хронологические рамки атомизированного партикуляризма в Таджикистане можно обозначить 1992-1994 гг.

Определив основные параметры для разграничения режимов по линии патримониализм – неопатримониализм – институционализм, далее будет произведено измерение режимной динамики постсоветских государств Центральной Азии и Кавказа с помощью электорального параметра, фиксирующего уровень конкуренции элит.

Измерение режимной динамики постсоветских стран Центральной Азии и Кавказа и анализ результатов

В рамках предложенной типологии политический режим СССР с низким уровнем конкуренции элит в сочетании с сильным партийным институтом, ограничивающим автономию элит, можно определить как институциональный авторитаризм. Данный режимный тип стал стартовой точкой трансформаций для всех постсоветских республик.

Используя методику измерения режимных форм, представленную выше, получены следующие данные о режимной динамике восьми исследуемых случаев, обобщенные в таблицах (см. табл. 2).

Таблица 2

Кодирование режимной динамики

Годы	Электоральные события	Поддержка победителя ¹	Индекс коррупции ²	Режим
АЗЕРБАЙДЖАН				
1990	Парламентские (Верховный Совет)	80%	Нет данных	Институциональный авторитаризм
1991	Президентские	98,5%	Нет данных	Неопатримониальный авторитаризм
1992	Неконвенциональный прорыв аутсайдеров	-	Нет данных	-
1992	Президентские	59,4%	Нет данных	Неопатримониальная полиархия
1993	Неконвенциональный прорыв аутсайдеров	-	Нет данных	Атомизированный партикуляризм
1993	Президентские	98,8%	Нет данных	Неопатримониальный авторитаризм
1995	Парламентские	Более 65%	Нет данных	Неопатримониальный авторитаризм

¹ Источниками электоральной статистики здесь и далее являются официальные сайты центральных избирательных комиссий соответствующих стран, а также данные, представленные в справочнике под редакцией А. Танина-Львова. См.: Выборы во всем мире. Электоральная свобода и общественный прогресс / сост. А.А. Танин-Львов. М.: РОССПЭН, 2001 [1].

² Источник: The Worldwide Governance Indicators (WGI): [Электронный ресурс]. URL: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.aspx#home> (дата обращения: 13.04.2013) [23]. Данные Индекса уровня коррупции наличествуют только с 1996 г. Однако вполне реалистичным предположением можно считать, что в начальные годы постсоветского развития уровень коррупции в исследуемых государствах не мог быть ниже, чем в последующем. Поэтому до 1996 г. индекс коррупции определяется в отрицательных значениях.

Продолжение табл. 2

Годы	Электоральные события	Поддержка победителя ¹	Индекс коррупции ²	Режим
1997	Президентские	77,6%	-1,25	Неопатримониальный авторитаризм
2000	Парламентские	Более 65%	-1,09	
2003	Президентские	80%	-0,95	Неопатримониальный авторитаризм
2005	Парламентские	Более 65%	-0,99	
2008	Президентские	88,7%	-1,04	Неопатримониальный авторитаризм
2010	Парламентские	Более 65%	-1,18	
2013	Президентские	84,5%	-1,07	Неопатримониальный авторитаризм
АРМЕНИЯ				
1990	Парламентские (Верховный Совет): конвенциональный прорыв аутсайдеров	35%	Нет данных	Институциональный авторитаризм
1991	Президентские	83,4%	Нет данных	Неопатримониальная полиархия
1995	Парламентские	61,5%	Нет данных	
1996	Президентские	52%	-0,47	Неопатримониальная полиархия
1998	Президентские	59,5%	-0,74	
1999	Парламентские	53%	-0,74	Неопатримониальная полиархия
2003	Президентские	67,4%	-0,55	
2003	Парламентские	47,7%	-0,55	Неопатримониальный полиархия
2007	Парламентские	74% (картель)	-0,66	
2008	Президентские	53,9%	-0,63	Неопатримониальная полиархия
2012	Парламентские	57% (картель)	-0,53	
2013	Президентские	58,6%	-0,53	Неопатримониальная полиархия
ГРУЗИЯ				
1990	Парламентские (Верховный Совет) конвенциональный прорыв аутсайдеров	74%	Нет данных	Институциональный авторитаризм
1991	Президентские	87,6%	Нет данных	Неопатримониальный авторитаризм
1992	Неконвенциональный прорыв аутсайдеров	-	Нет данных	Атомизированный партикуляризм

¹ Источниками электоральной статистики здесь и далее являются официальные сайты центральных избирательных комиссий соответствующих стран, а также данные, представленные в справочнике под редакцией А. Танина-Львова. См.: Выборы во всем мире. Электоральная свобода и общественный прогресс / сост. А.А. Танин-Львов. М.: РОССПЭН, 2001 [1].

² Источник: The Worldwide Governance Indicators (WGI): [Электронный ресурс]. URL: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.aspx#home> (дата обращения: 13.04.2013) [23]. Данные Индекса уровня коррупции наличествуют только с 1996 г. Однако вполне реалистичным предположением можно считать, что в начальные годы постсоветского развития уровень коррупции в исследуемых государствах не мог быть ниже, чем в последующем. Поэтому до 1996 г. индекс коррупции определяется в отрицательных значениях.

Продолжение табл. 2

Годы	Электоральные события	Поддержка победителя ¹	Индекс коррупции ²	Режим
1992	Парламентские	Меньше 65%	Нет данных	Неопатримониальная полиархия
1995	Парламентские	47%	Нет данных	Неопатримониальная полиархия
1995	Президентские	74,3%	Нет данных	
1999	Парламентские	52%	-0,78	Неопатримониальная полиархия
2000	Президентские	79,8%	-0,88	
2003	Неконвенциональный прорыв аутсайдеров	-	-0,65	-
2004	Президентские	96,3%	-0,61	Неопатримониальный авторитаризм
2004	Парламентские	66,3%	-0,61	
2008	Парламентские	79%	-0,22	Неопатримониальный полиархия
2008	Президентские	53,5%	-0,22	
2012	Парламентские (поражение инкумбента)	56,6%	0,25	Неопатримониальная полиархия
2013	Президентские	62,2%	0,25	
ТУРКМЕНИСТАН				
1990	Парламентские (Верховный Совет)	100%	Нет данных	Институциональный авторитаризм
1990	Президентские	98,3%	Нет данных	Неопатримониальный авторитаризм
1992	Президентские	99,5%	Нет данных	Неопатримониальный авторитаризм
1994	Парламентские	100%	Нет данных	
1999	Парламентские	100%	-0,92	Неопатримониальный авторитаризм
1999	Объявление С. Ниязова пожизненным президентом		-0,92	Султанизм
2004	Парламентские	100%	-1,38	Неопатримониальный авторитаризм
2007	Президентские	89,2%	-1,47	
2007	Парламентские	100%	-1,47	Неопатримониальный авторитаризм
2012	Президентские	97,4%	-1,34	
2013	Парламентские	100%	-1,34	Неопатримониальный авторитаризм
УЗБЕКИСТАН				
1990	Парламентские (Верховный Совет)	100%	Нет данных	Институциональный авторитаризм

¹ Источниками электоральной статистики здесь и далее являются официальные сайты центральных избирательных комиссий соответствующих стран, а также данные, представленные в справочнике под редакцией А. Танина-Львова. См.: Выборы во всем мире. Электоральная свобода и общественный прогресс / сост. А.А. Танин-Львов. М.: РОССПЭН, 2001 [1].

² Источник: The Worldwide Governance Indicators (WGI): [Электронный ресурс]. URL: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.aspx#home> (дата обращения: 13.04.2013) [23]. Данные Индекса уровня коррупции наличествуют только с 1996 г. Однако вполне реалистичным предположением можно считать, что в начальные годы постсоветского развития уровень коррупции в исследуемых государствах не мог быть ниже, чем в последующем. Поэтому до 1996 г. индекс коррупции определяется в отрицательных значениях.

Продолжение табл. 2

Годы	Электоральные события	Поддержка победителя ¹	Индекс коррупции ²	Режим
1991	Президентские	87,5%	Нет данных	Неопатримониальный авторитаризм
1994	Парламентские	100%	Нет данных	
1999	Парламентские	100%	-1,04	Неопатримониальный авторитаризм
2000	Президентские	95,7%	-0,91	
2004-2005	Парламентские	100%	-1,18	Неопатримониальный авторитаризм
2007	Президентские	88,1%	-0,91	
2009	Парламентские	100%	-1,22	Неопатримониальный авторитаризм

ТАДЖИКИСТАН

1990	Парламентские (Верховный Совет)	95%	Нет данных	Институциональный авторитаризм
1991	Президентские	61,3%	Нет данных	Неопатримониальная полиархия
1992	Неконвенциональный прорыв аутсайдеров	-	Нет данных	Атомизированный партикуляризм
1994	Президентские	58,8%	Нет данных	Неопатримониальная полиархия
1995	Парламентские	Меньше 65%	Нет данных	
1997	Соглашение с оппозицией	70%	-1,39	Неопатримониальная полиархия
1999	Президентские	97,6%	-1,21	Неопатримониальный авторитаризм
2000	Парламентские	80%	-1,05	
2005	Парламентские	71,4%	-1,09	Неопатримониальный авторитаризм
2006	Президентские	76,4%	-0,92	
2010	Парламентские	Больше 65%	-1,20	Неопатримониальный авторитаризм

КАЗАХСТАН

1990	Парламентские (Верховный Совет)	95%	Нет данных	Институциональный авторитаризм
1991	Президентские	98,7%	Нет данных	Неопатримониальный авторитаризм
1994	Парламентские	Меньше 65%	Нет данных	Неопатримониальная полиархия

¹ Источниками электоральной статистики здесь и далее являются официальные сайты центральных избирательных комиссий соответствующих стран, а также данные, представленные в справочнике под редакцией А. Танина-Львова. См.: Выборы во всем мире. Электоральная свобода и общественный прогресс / сост. А.А. Танин-Львов. М.: РОССПЭН, 2001 [1].

² Источник: The Worldwide Governance Indicators (WGI): [Электронный ресурс]. URL: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.aspx#home> (дата обращения: 13.04.2013) [23]. Данные Индекса уровня коррупции наличествуют только с 1996 г. Однако вполне реалистичным предположением можно считать, что в начальные годы постсоветского развития уровень коррупции в исследуемых государствах не мог быть ниже, чем в последующем. Поэтому до 1996 г. индекс коррупции определяется в отрицательных значениях.

Окончание табл. 2

Годы	Электоральные события	Поддержка победителя ¹	Индекс коррупции ²	Режим
1995	Парламентские	Больше 65% (картель)	Нет данных	Неопатримониальный авторитаризм
1999	Президентские	81%	-0,94	Неопатримониальный авторитаризм
1999	Парламентские	Больше 65 (картель)	-0,94	
2004	Парламентские	69% партия власти	-1,10	Неопатримониальный авторитаризм
2005	Президентские	91%	-1,00	
2007	Парламентские	100% партия власти	-0,91	Неопатримониальный авторитаризм
2011	Президентские	95,5%	-0,98	
2012	Парламентские	81% партия власти	-0,88	Неопатримониальный авторитаризм
КЫРГЫЗСТАН				
1990	Парламентские (Верховный Совет)	100%	Нет данных	Институциональный авторитаризм
1991	Президентские	95,3%	Нет данных	Неопатримониальная полиархия
1995	Парламентские	Меньше 65%	Нет данных	Неопатримониальная полиархия
1995	Президентские	72,5%	Нет данных	
2000	Парламентские	Менее 65%	-0,73	Неопатримониальная полиархия
2000	Президентские	74,5%	-0,73	
2005	Парламентские	Более 65%	-1,17	Неопатримониальная полиархия
2005	Неконвенциональный прорыв аутсайдеров	-	-1,17	
2005	Президентские	88,9%	-1,17	Неопатримониальная полиархия
2007	Парламентские	79%	-1,24	Неопатримониальный авторитаризм
2009	Президентские	76,1%	-1,23	
2010	Неконвенциональный прорыв аутсайдеров		-1,11	
2010	Парламентские	Менее 65%	-1,11	Неопатримониальная полиархия

¹ Источниками электоральной статистики здесь и далее являются официальные сайты центральных избирательных комиссий соответствующих стран, а также данные, представленные в справочнике под редакцией А. Танина-Львова. См.: Выборы во всем мире. Электоральная свобода и общественный прогресс / сост. А.А. Танин-Львов. М.: РОССПЭН, 2001 [1].

² Источник: The Worldwide Governance Indicators (WGI): [Электронный ресурс]. URL: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.aspx#home> (дата обращения: 13.04.2013) [23]. Данные Индекса уровня коррупции наличествуют только с 1996 г. Однако вполне реалистичным предположением можно считать, что в начальные годы постсоветского развития уровень коррупции в исследуемых государствах не мог быть ниже, чем в последующем. Поэтому до 1996 г. индекс коррупции определяется в отрицательных значениях.

На основе анализа представленных данных можно сделать следующие выводы.

1. С точки зрения количества режимных переходов все восемь государств демонстрируют разный уровень устойчивости: от одного режимного перехода в случаях Узбекистана и Армении, до пяти в Грузии. Наибольшую устойчивость демонстрируют Узбекистан и Армения, которые совершили лишь одну режимную трансформацию. Хотя формально Туркменистан совершил три перехода (от неопатримониального авторитаризма к султанизму и обратно), фактически в данном случае можно говорить об аналогичной устойчивости. Случаи Казахстана, Азербайджана и Кыргызстана также скорее говорят об устойчивости их режимных форм. В Казахстане и Азербайджане, где фиксируются 3 и 4 перехода соответственно, режимная динамика происходила в относительно короткий период неопределенности, которая завершилась консолидацией авторитаризма к 1993 г. в Азербайджане и к 1995 г. в Казахстане. Что касается Кыргызстана, то режимные колебания, хотя и в другой хронологический отрезок, также носили кратковременный характер, не превышающий трех лет. Наибольший уровень режимных колебаний фиксируется в Таджикистане (четыре перехода) и Грузии (пять переходов).

2. В целом среди стран Центральной Азии и Кавказа можно отметить наличие режимной устойчивости двух основных форм, которые являются для анализируемых случаев модальными. Это режим неопатримониального авторитаризма и неопатримониальной полиархии. Данные режимные формы свойственны разным группам стран, но при своей консолидации они одинаково демонстрируют устойчивость и долговременность.

3. Для пяти стран устойчивым режимным типом является неопатримониальный авторитаризм. Он характерен для Узбекистана, Туркменистана, Азербайджана, Казахстана и Таджикистана. В Узбекистане данный тип остается неизменным с начала независимого развития и уже существует в течение 22 лет (1991-2013 гг.). В Туркменистане неопатримониальный авторитаризм прерывался периодом султанизма (1999-2006 гг.), но если считать последний режим лишь модификацией авторитаризма, то можно признать, что долговременность авторитаризма в этой стране насчитывает 23 года (1990-2013 гг.). В Азербайджане неопатримониальный авторитаризм стал исходом периода неопределенности и с 1993 г. функционирует стабильно в течение 20 лет. В Казахстане период неопределенности продолжался несколько дольше, но после консолидации неопатримониального авторитаризма к 1995 г. данный режимный тип также функционирует без существенных колебаний на протяжении 18 лет. В Таджикистане в связи с продолжительной гражданской войной неопатримониальный авторитаризм достиг консолидации лишь к 1999 г. Однако, как и в других случаях, после формирования он стал достаточно устойчивой режимной формой и остается неизменным в этой стране уже на протяжении 14 лет.

4. Режим неопатримониальной полиархии свойственен для трех стран рассматриваемого региона: Армении, Грузии и Кыргызстана. Можно отметить, что данный режимный тип демонстрирует сравнительно меньшую устойчивость. Как показывает опыт постсоветского развития Грузии и Кыргызстана, именно в рамках данной режимной среды создаются благоприятные условия для «электоральных революций», итогом которых стали режимные колебания.

5. Вместе с тем, те же самые случаи Грузии и Кыргызстана позволяют сделать вывод, что данный режимный тип, хотя и является менее устойчивым, но одновременно создает некие ограничения, препятствующие авторитарной консолидации. Так, установленный К. Бакиевым режим неопатримониального авторитаризма в Кыргызстане просуществовал только три года (2007-2010 гг.), вновь перейдя к неопатримониальной полиархии. Подобную тенденцию можно наблюдать и на примере Грузии, где после длительного функционирования неопатримониальной полиархии переход к авторитаризму оказался лишь эпизодом, не превышающим хронологические рамки в четыре года (2004-2008 гг.), после чего режим вновь принял форму неопатримониальной полиархии.

6. Можно сделать предположение, что режим неопатримониальной полиархии, хотя и является менее стабильным, чем неопатримониальный авторитаризм, тем не менее, также способен функционировать достаточно долго. Так, случай Армении говорит об устойчивости и долговременности этой режимной формы. Сформированный к 1991 г. в этой стране он остается стабильным в течение 22 лет, что вполне сопоставимо со случаями постсоветских стран неопатримониального авторитаризма. Хотя в Грузии и Кыргызстане данный режим и демонстрирует некоторую волатильность, тем не менее, в этих странах он показал способность существовать достаточно длительный период времени. Так, в Кыргызстане до «тюльпановой революции» данный режимный тип функционировал на протяжении 16 лет (1991 - 2007 гг.). В Грузии до событий «революции роз» режим неопатримониальной полиархии оставался неизменным на протяжении 12 лет (1992-2004 гг.).

Библиографический список

1. Выборы во всем мире. Электоральная свобода и общественный прогресс / сост. А.А. Танин-Львов. М.: РОССПЭН, 2001.
2. Гельман В.Я. Из огня да в полымя? (Динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе) // Полис. 2007. № 2. С. 81-108.
3. Гилев А.В. Динамика трансформаций на постсоветском пространстве в сравнительной перспективе: устойчивость и предпосылки многообразия политических режимов: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2010.

4. *Добронравин Н.* Туркменистан: великое одиночество // СССР после распада / под ред. О.Л. Маргания. СПб.: Экономическая школа, 2007. С. 455-476.
5. *Лазарев Е.А.* Коррупция и политическая стабильность: институциональная перспектива // *Полития*. 2011. № 1 (60). С. 50-68.
6. *Меркель В., Круассан А.* Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // *Полис*. 2002. № 1. С. 6-17.
7. *Миронюк М.Г., Тимофеев И.Н., Ваславский И.Я.* Универсальные сравнения с использованием количественных методов анализа (Обзор прецедентов) // *Полис*. 2006. № 5. С. 39-57.
8. *Нисневич Ю., Стукал Д.* Многоликая коррупция и ее измерение в исследованиях международных организаций // *Мировая экономика и международные отношения*. 2012. № 3. С. 83-90.
9. *О`Доннелл Г.* Делегативная демократия // *Пределы власти*. 1994. № 2-3. [Электронный документ]. URL: <http://old.russ.ru/antolog/predely/2-3/dem01.htm> (дата обращения : 22.02.2012).
10. *Фисун А.А.* К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация // *Политическая концептология*. 2010. № 4. С. 158-187.
11. *Хелмке Г., Левитски С.* Неформальные институты и сравнительная политика: основные направления исследований // *Прогнозис*. 2007. № 2 (10). С. 188–211.
12. *Gel'man V.* Post-Soviet Transitions and Democratization: Towards Theory-Building // *Democratization*. 2003. № 2 (10). P. 87-104.
13. *Grzymala-Busse A., Luong P.* Reconceptualizing the state: lessons from post-communism // *Politics & Society*. 2002. № 4(30). P. 529-544.
14. *Guliyev F.* Personal rule, neopatrimonialism, and regime typologies: integrating Dahlian and Weberian approaches to regime studies // *Democratization*. 2011. № 3(18). P. 575-601.
15. *Hale H.* Why Not Parties in Russia? Democracy, Federalism, and the State. N.Y.: Cambridge University Press, 2006.
16. *Hale H.* Formal Constitutions in Informal Politics: Institutions and Democratization in Post-Soviet Eurasia // *World Politics*. 2011. № 4 (63). P. 581-617.
17. *Hale H.* Regime Cycles: Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia // *World Politics*. 2005. № 1 (58). P. 133-165.
18. *Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M.* Governance Matters VIII Aggregate and Individual Governance Indicators 1996–2008. The World Bank Development Research Group Macroeconomics and Growth Team. Policy Research Working Paper. № 4978, 2009.
19. *Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M.* The Worldwide Governance Indicators. Methodology and Analytical Issues. – The World Bank Development Research

- Group Macroeconomics and Growth Team. Policy Research Working Paper. № 5430, 2010.
20. *Kitschelt H., Smyth R.* Programmatic Party Cohesion in Emerging Postcommunist Democracies: Russia in Comparative Context // *Comparative Political Studies*. 2002. № 10 (35). P. 1228-1256.
21. *Melville A., Stukal D., Mironyuk M.* Trajectories of Regime Transformation and Types of Stateness in Postcommunist Countries // *Perspectives on European Politics and Society*. 2013. [Электронный документ]. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/15705854.2013.772749> (дата обращения: 25.02.2014).
22. *Sultanistic Regimes* / ed. by H. E. Chehabi and J. Linz. Baltimore and London: The Johns Hopkins Univ. Press, 1998.
23. *The Worldwide Governance Indicators (WGI)*: [Электронный ресурс]. URL: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.aspx#home> (дата обращения: 13.04.2013).
24. *Transparency International* [Электронный документ]. URL: <http://www.transparency.org/> (дата обращения: 11.03.2013).
25. *Vanhanen T.* The Emergence Of Democracy: A Comparative Study Of 119 States, 1850-1979. (Commentationes scientiarum socialium). Helsinki: Societas Scientiarum Fennica, 1984.

REGIME CHANGES OF POST-SOVIET STATES OF CENTRAL ASIA AND THE CAUCASUS

S.N. Shkel

Associate Professor of Political Science, Sociology and Public Relations
Department, Ufa State Petroleum Technological University, Russia

This article proposes a typology of political regimes, which allows fixing all points of regime transition of post-Soviet countries and measuring the regime dynamics of eight post-Soviet states of Central Asia and the Caucasus. The analysis of post-Soviet political transformations revealed the presence of two major sustainability regime forms (neopatrimonial authoritarianism and neopatrimonial polyarchy), which are analyzed for the cases of modal. These political regimes are characterized by different groups of countries, but its consolidation equally demonstrates the stability and sustainability.

Key words: political regimes; authoritarianism; polyarchy; the post-Soviet space; Central Asia and the Caucasus.

References:

1. Election worldwide. Electoral freedom and social progress / Edit. A.A. Tanin–L'vov. M.: ROSSPEN, 2001. (In Rus.).
2. *Gel'man V.* Out of the Frying Pan, into the Fire? Post-Soviet Regime Changes in Comparative Perspective // *Polis*. 2007. № 2. P. 81-108. (In Rus.).
3. *Gilev A.V.* Dynamics of transformation in the post-Soviet space in comparative perspective: the stability and diversity of political regimes: Ph.D. diss. Saint Petersburg, 2010. (In Rus.).
4. *Dobronravina N.* Turkmenistan: the great loneliness // *After the collapse of the Soviet Union* / ed. O. L. Margania. Saint Petersburg: The School of Economics, 2007. P. 455-476. (In Rus.).
5. *Lazarev E.A.* Corruption and political stability: institutional perspective // *Polity*. 2011. № 1 (60). P. 50-68. (In Rus.).
6. *Merkel W., Croissant A.* Formal and Informal Institutions of Defective Democracies // *Polis*. 2002. № 1. P. 6-17. (In Rus.).
7. *Myronyuk M.G., Timofeev I.N., Vaslavsky I.J.* Universal comparison using quantitative methods (Review precedents) // *Polis*. 2006. № 5. P. 39-57. (In Rus.).
8. *Nisnevich Y., Stuka D.* Many Faces Corruption and its measurement in studies of international organizations // *World Economy and International Relations*. 2012. № 3. P. 83-90. (In Rus.).
9. *O'Donnell G.* Delegative democracy // *Limits of power*. 1994. № 2-3. [Electronic document]. URL: <http://old.russ.ru/antolog/predely/2-3/dem01.htm> (date accessed: 22.02.2012). (In Rus.).
10. *Fisun A.A.* Rethinking Post-Soviet Politics from a Neopatrimonial Perspective // *Political Conceptology*. 2010. № 4. P. 158-187. (In Rus.).
11. *Helmke G., Levitsky S.* Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda // *Prognosis*. 2007. № 2 (10). P. 188–211. (In Rus.).
12. *Gel'man V.* Post-Soviet Transitions and Democratization: Towards Theory-Building // *Democratization*. 2003. № 2 (10). P. 87-104. (In English).
13. *Grzymala-Busse A., Luong P.* Reconceptualizing the state: lessons from post-communism // *Politics & Society*. 2002. № 4(30). P. 529-544. (In English).
14. *Guliyev F.* Personal rule, neopatrimonialism, and regime typologies: integrating Dahlian and Weberian approaches to regime studies // *Democratization*. 2011. № 3(18). P. 575-601. (In English).
15. *Hale H.* Why Not Parties in Russia? Democracy, Federalism, and the State. N.Y.: Cambridge University Press, 2006. (In English).
16. *Hale H.* Formal Constitutions in Informal Politics: Institutions and Democratization in Post-Soviet Eurasia // *World Politics*. 2011. № 4 (63). P. 581-617. (In English).
17. *Hale H.* Regime Cycles: Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia // *World Politics*. 2005. № 1 (58). P. 133-165. (In English).

18. *Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M.* Governance Matters VIII Aggregate and Individual Governance Indicators 1996–2008. The World Bank Development Research Group Macroeconomics and Growth Team. Policy Research Working Paper. № 4978, 2009. (In English).
19. *Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M.* The Worldwide Governance Indicators. Methodology and Analytical Issues. – The World Bank Development Research Group Macroeconomics and Growth Team. Policy Research Working Paper. № 5430, 2010. (In English).
20. *Kitschelt H., Smyth R.* Programmatic Party Cohesion in Emerging Postcommunist Democracies: Russia in Comparative Context // *Comparative Political Studies*. 2002. № 10 (35). P. 1228-1256. (In English).
21. *Melville A., Stukal D., Mironyuk M.* Trajectories of Regime Transformation and Types of Stateness in Postcommunist Countries // *Perspectives on European Politics and Society*. 2013. [Electronic document]. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/15705854.2013.772749> (date accessed: 25.02.2014). (In English).
22. *Sultanistic Regimes* / ed. by H. E. Chehabi and J. Linz. Baltimore and London: The Johns Hopkins Univ. Press, 1998. (In English).
23. *The Worldwide Governance Indicators (WGI)*: [Electronic document]. URL: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.aspx#home> (date accessed: 13.04.2013). (In English).
24. *Transparency International* [Electronic document]. URL: <http://www.transparency.org/> (date accessed: 11.03.2013). (In English).
25. *Vanhanen T.* The Emergence Of Democracy: A Comparative Study Of 119 States, 1850-1979. (Commentationes scientiarum socialium). Helsinki: Societas Scientiarum Fennica, 1984. (In English).